Филологические науки
Philological Sciences

Оригинальная статья

УДК 81.27; 81.42.
EDN SMCISM
DOI: 10.17748/2686–9969–2024–7-5-6-103-126

РИТУАЛ И ИГРА:
О некоторых особенностях речевой коммуникации в русском и японском этноязыковых коллективах[1] (новая редакция[2])

Александр Сергеевич Дыбовский
Дальневосточный федеральный университет
г. Владивосток, Россия
https://orcid.org/0000-0001-6236-0886
E-mail: dybovskii.as@dvfu.ru

Аннотация: В этой статье методом сопоставительного анализа исследуются коммуникативные стратегии участников речевого общения в русском и японском этноязыковых коллективах. Исследование относится к области, которую американский лингвист Делл Хаймс (Dell Hymes) определил как этнографию речи. Сравнивая коммуникативные стратегии носителей русского и японского языков, автор приходит к выводу о том, что русские чаще используют импровизационные (игровые) формы общения, в то время как японцы более склонны полагаться на стандартизированные (ритуальные) модели взаимодействия между коммуникатором и реципиентом. В русских сообществах рутинные правила коммуникативного взаимодействия людей в процессе речевого общения нередко игнорируются ради оригинальности выражения. В отличие от этого, в различных сферах общения, особенно в

[1] В качестве синонима выражения «этноязыковой коллектив» далее будет использоваться и выражение «языковой коллектив».

[2] Статья была впервые опубликована под названием «Ритуал и игра. О некоторых особенностях речевой коммуникации в японском и русском этноязыковых коллективах: постановка проблемы» в 2006 году в журнале «Известия Вост. ин-та Дальневост. ун-та» [10, с. 103-120]. Текст готовился к публикации без участия автора, поэтому в нём было сделано множество опечаток, неточностей и стилистических погрешностей. Возросшая актуальность темы в эпоху интенсификации межкультурной коммуникации привела нас к необходимости дать окончательную авторскую редакцию и исправить имеющиеся неточности.

© Дыбовский А.С., «Педагогика: история, перспективы» 2024

официально-деловой коммуникации, японцы более склонны прибегать к стереотипным формам общения. При этом сценарии коммуникативного взаимодействия участников речевого общения для различных ситуаций в японском социуме прописаны более строго, чем в русском. Различия в коммуникативных стратегиях двух сообществ анализируются через призму этнических культурных кодов двух народов. Цель статьи - обратить внимание языковедов на различие в использовании импровизационной (игровой) и стереотипной (ритуальной) речи в двух указанных этнических сообществах.

Ключевые слова: стратегии коммуникации, русский и японский этноязыковые коллективы, стереотипная (ритуальная) коммуникация, импровизационная (игровая) коммуникация, сценарии коммуникативного поведения, культурные коды речевого поведения.

Для цитирования: Дыбовский А.С. Ритуал и игра. О некоторых особенностях речевой коммуникации в русском и японском этноязыковых коллективах (новая редакция). Педагогика: история, перспективы. 2024. Том. 7. № 5-6. С. 103-126
DOI: 10.17748/2686–9969–2024–7-5-6-103-126

Original article

RITUAL AND PLAY:
On Certain Features of Verbal Communication in Russian and Japanese Ethnolinguistic Communities (Revised Edition)

Alexander S. Dybovsky
Far Eastern Federal University
Vladivostok, Russia
https://orcid.org/0000-0001-6236-0886
E-mail: dybovskii.as@dvfu.ru

Abstract: This article employs comparative analysis to investigate communicative strategies among participants in Russian and Japanese ethno-linguistic communities. The research aligns with the domain identified by American linguist Dell Hymes as speech ethnography. Through comparative analysis of communicative strategies of Russian and Japanese speakers, this study finds that Russians tend to employ more improvisational (playful) forms of communication, while Japanese are inclined to depend on standardized (ritualistic) interaction models between communicators and recipients. In Russian settings, conventional rules of communicative interaction are frequently overlooked to enhance originality in expression. In contrast, in various

communicative contexts, particularly in formal interactions, Japanese are predisposed to use stereotypical forms of communication. Moreover, the frameworks guiding communicative interactions across different scenarios are more rigidly prescribed in Japanese society than in Russian. The analysis examines differences in the communicative strategies of these two communities through the prism of their distinct ethnic cultural codes. The aim of this article is to highlight to linguists the divergences in the utilization of improvisational (playful) versus stereotypical (ritualistic) speech within these two ethnic groups.

Keywords: communication strategies, Russian and Japanese ethno-linguistic communities, stereotypical (ritualistic) communication, improvisational (playful) communication, scenarios of communicative behavior, cultural codes of speech behavior.

For citation: Dybovsky A.S. Ritual and Play: On Certain Features of Verbal Communication in Russian and Japanese Ethnolinguistic Communities (Revised Edition). Pedagogy: History, Prospects. 2024. Volume 7. № 5-6, pp. 103-126 (In Russ.). DOI: 10.17748/2686–9969–2024–7-5-6-103-126

«Учитель Ю сказал:

> – Из назначений ритуала всего ценней гармония. … Но и гармония бывает применима не всегда. Если знают лишь гармонию, не заключая ее в рамки ритуала, она не может претвориться в жизнь.»
>
> *(Конфуций «Луньюй»)*

1. Вступительные замечания

1) Наша статья относится к области, которую Делл Хаймс (Dell Hymes, 1927–2009) назвал этнографией говорения (ethnography of speaking) [19] и которая возникла под влиянием гипотезы языковой относительности Сепира – Уорфа.

2) Среди прочих этнических особенностей речевой коммуникации представляется возможным сопоставлять языки по степени распространенности в речи стереотипных (ритуальных) или же импровизационных (игровых) моделей взаимодействия коммуникатора и реципиента.

3) Предлагаемый вашему вниманию текст – это попытка систематизации результатов сопоставительного анализа, а также длительных наблюдений над особенностями речевой коммуникации в русском и японском этноязыковых коллективах, на основании которых мы считаем возможным выдвинуть гипотезу о том, что для японского языкового коллектива ритуальность и стереотип-

ность речи характерны в большей степени, чем для русского, имеющего бóльшую культурно обусловленную предрасположенность к импровизации и игре в речевой коммуникации. Сходные идеи о своеобразии японского языкового коллектива уже высказывались в несколько иных терминах. Например, у японского лингвиста *Икэгами Ёсихико* читаем: «В японском языке существует высокая степень зависимости текста от контекста». Это, по его мнению, связано с тем, что для социального поведения японцев характерно стремление приводить свои действия в соответствие с окружением [21, с. 6]. Последнее свойство членов японского языкового коллектива (「周囲のことを気にする日本人の傾向」*Сю:и но кото о ки ни суру нинондзин но кэйко:* «Склонность японцев обращать внимание на факторы окружения» [21, с. 6]) обсуждается и психологами [22, с. 7]. Посвятивший много времени изучению взаимосвязи языка и культуры японский ученый Судзуки Такао пишет: «…хотя Япония и вестернизировалась, она всё еще отличается от Запада по различным параметрам. И это вполне естественно, что японцы действуют не так, как люди Запада, имеют иные представления и ценностные ориентации» [23, с. 7]. С нашей точки зрения, это распространяется и на речевое поведение членов японского языкового коллектива, несколько отличающее их от членов, например, русского языкового коллектива.

2. Стереотипность (ритуал) versus импровизация (игра)

В этой статье мы исходим из того, что в любом языковом коллективе речевое взаимодействие участников коммуникации осуществляется между двумя полюсами: 1) стереотипное употребление речевых клише, рутинное использование языковых форм, предписываемых ситуацией общения, стилем и жанром речевого произведения, осуществляемое в соответствии с культурными нормами и правилами взаимодействия лиц соответствующего языкового коллектива (речевая стереотипность, включая речевой ритуал); и 2) творческое использование языка, создание оригинальных речевых произведений, произвольное отклонение от рутинных форм общения, импровизация, частным случаем которой является вовлечение собеседника в языковую игру (речевая импровизация, включая коммуникативную игру).

Для речевой импровизации и коммуникативной (речевой или языковой) игры [1] характерно проявление индивидуальности, для речевого ритуала – стремление к строгому соблюдению правил речевого общения. Речевой ритуал – часть ритуала культурного, функция которого состоит в поддержании социальной стабильности, утверждении и санкционировании сложившегося порядка

[1] В этой статье в качестве собирательного термина для обозначения игрового взаимодействия коммуникатора и реципиента мы используем термин «коммуникативная игра», в качестве более специальных понятий – «языковая игра» (игра с омонимами, синонимами, паронимами, графическими знаками и т.д., т.е. игра на базе системы языка) и «речевая игра» (игра со стилистическими ресурсами языка, с использованием различных риторических приемов). Ср. [17, с. 42].

вещей, в подтверждении правильности и целесообразности происходящего, в установлении, манифестации и сохранении существующих связей и отношений между членами того или иного социума. Речевой ритуал – это рутинная форма социально-культурного взаимодействия людей. В ней личность реализуется как функциональная единица социума, проявляет себя как неотъемлемый элемент социально значимого процесса. В речевом ритуале индивидуальное подводится под существующие общественные стандарты, личностные характеристики приглушаются, уходят на второй план[1].

Речевой ритуал включает в себя широкий спектр явлений от речевого компонента праздничных церемоний и обрядов до рутинных форм ежедневного общения людей (речевые формулы приветствия, прощания, извинения, поздравления) и предполагает определенную предсказуемость речевых действий. Речевой ритуал основывается на стереотипном использовании языковых средств, но сама стереотипность речи представляет собой более широкое явление. Она предполагает следование языковым стандартам и речевым канонам, а также использование речевых клише и шаблонных выражений во всех видах и жанрах устной и письменной речи (от общепринятых средств установления контакта и форм речевого этикета до применения стереотипных форм научной или публицистической речи; от использования пословиц и поговорок, расхожих метафор и модных слов до литературных и научных цитат). Объективной стороной стереотипности является повторяемость языковых единиц в потоке речи, а также наличие языковых и речевых стандартов, связанных с понятиями нормативности речи и языковой нормы.

Речевая импровизация – это явление, основывающееся на эгоцентрическом и активном языковом самовыражении субъекта, мотивированном стратегией его коммуникативного поведения и условиями соответствующей коммуникативной ситуации. Речевая импровизация осуществляется либо в рамках устанавливаемых культурой норм речевого поведения, либо как сознательное или бессознательное нарушение этих норм, т. е. как своего рода девиантное речевое поведение. Само нарушение норм (отклонение от принятых форм общения), являет собой особый универсальный коммуникативный прием, который в разных языковых коллективах используется по-разному, занимает разное место и играет различную роль в коммуникации.

Степень стереотипности (ритуальности) речи связана с такими универсальными параметрами речевой коммуникации, как речевая ситуация (кто? кому? где? когда? о чем?), официальность / неофициальность речи, требования стиля и жанра, а также большая или меньшая строгость ситуационно-

[1] Разумеется, и в таком взаимодействии многообразие индивидуальных отношений между конкретными людьми может выражаться либо на супрасегментном уровне языка, либо паралингвистически – в мимике, жестах, телодвижениях.

дискурсивных сценариев. Стереотипность и ритуальность речи могут быть связаны с политическими факторами, например, в тоталитарных режимах нередко наблюдается усиление ритуальных элементов публичной риторики (ср. политическую пропаганду СССР, фашистской Германии, Китая эпохи Мао Цзэдуна, современной Северной Кореи[1]), формирование и распространение бюрократического «новояза» (newspeak) [20]. Однако политические явления поверхностны и преходящи. Более существенное значение имеет культурный фактор, коренящийся в вековых традициях использования языка. Например, представления о надлежащей форме коммуникации (о том, что допустимо и что не допустимо в той или иной ситуации) в разных обществах могут существенно отличаться. Нас будет интересовать в первую очередь культурный фактор.

Подобно тому, как в разных языках различаются даже сходные концепты [1], в разных этноязыковых коллективах существуют различные представления о подобающей манере коммуникации в той или иной ситуации, по-разному прописаны ситуационно-дискурсивные сценарии, различно представление об уместности в коммуникации шутки, розыгрыша, языковой или речевой игры. По всей вероятности, все указанные параметры речевой коммуникации обусловлены культурными факторами.

Итак, ситуативное использование языка связано с детерминированными культурой механизмами взаимодействия участников коммуникации, в которых, вероятно, существует и некоторая степень универсальности, и определенная этнокультурная специфика.

3. Стереотипность (ритуал) versus импровизация (игра) в японском и русском этноязыковых коллективах

С точки зрения соотношения стереотипности (ритуала) и импровизации (игры) русское и японское речевое общение существенно отличаются друг от друга. Если в устном общении японского языкового коллектива ритуальность (стереотипное употребление языковых форм) является примечательной особенностью традиционного речевого поведения, до некоторой степени сохраняющей свое значение и в наши дни, то в речевой деятельности русского языкового коллектива своеобразной чертой коммуникации нередко становятся отход от стереотипности и нарушение форм ритуального речевого поведения, внесение в коммуникацию элементов импровизации и игры. Нарушение норм рутинного (ритуального) общения представляет собой одну из часто используемых стратегий развертывания коммуникации, возможно, имеющую некоторое отношение к правовому нигилизму и анархизму русского народа (точно так же,

[1] Ср.: «Великий вождь китайского народа, товарищ Мао Цзэдун…»; «Именно теперь, в свете впечатляющих достижений советского народа, еще глубже воспринимается известная ленинская формула: партия – ум, честь и совесть нашей эпохи…» (Из доклада Л. И. Брежнева на 26-ом съезде КПСС, 1981 г., февр.).

как бóльшая законопослушность жителей японских островов, вероятно, не лишена связи с конфуцианской традицией следования нормам, социальным стандартам и правилам, в том числе и в речевом общении).

Склонность членов того или иного языкового коллектива к импровизации и игре или к стереотипности и ритуалу в использовании языка поддерживается общими конфигурациями культуры. В русском языковом коллективе стремление к игре и импровизации восходит к народным праздникам с ряжеными и скоморохами, ярмаркам и деревенским гуляньям. У русского народа издавна непреходящей ценностью является свежее, острое, неожиданное «словцо». Шуткой, игрой, розыгрышем полна театральная и литературная жизнь России. Достаточно вспомнить знаменитые «капустники», проводимые по поводу различных театральных юбилеев. Всенародной любовью неизменно пользовались и пользуются юмористические, сатирические и игровые программы («КВН», «Что? Где? Когда?», «Поле чудес», Comedy Club в Юрмале или «Смехопанорама» Евгения Петросяна). Вероятно, те же корни и у неистребимой любви российского общества к анекдотам, народным комедиям от «Веселых ребят» Г. Александрова до всенародно любимых комедий Л. Гайдая, книгам вроде «12 стульев» И. Ильфа и Е. Петрова или «Мастера и Маргариты» М. Булгакова.

У японских военно-феодальных правителей эпох развитого и позднего средневековья, длившихся не менее 600 лет, не было придворных шутов. И в официальном, и в религиозном, и в обыденном общении людей на протяжении многих столетий большую роль играли протокитайские ритуалы. В японском языковом коллективе в соответствии с конфуцианскими этическими идеалами традиционно больше, чем оригинальность вербального общения, ценится гармония человеческих отношений, упорядоченность и стабильность общества. Вербальное общение в японской культурной традиции вообще может быть избыточным, если существует взаимопонимание на интуитивно-чувственном уровне, что зафиксировано в заимствованной из Китая формуле 以心伝心 *исиндэнсин* («от сердца к сердцу»), и немногословность, например, по-видимому, расценивается как достоинство мужчины. В рекламном ролике, длительное время не сходившем с телеэкрана, знаменитый японский киноактер Такакура Кэн пьет пиво на фоне рекламного нарратива: 男は黙ってビールを飲んでいる *Отоко ва даматтэ би:ру о нондэ иру* – «(Настоящий) мужик молча пьет пиво».

Касаясь вопроса о полярности психологических основ коммуникации в англо-американском и японском этноязыковых коллективах, А. Вежбицкая по поводу сдержанности языкового самовыражения субъекта в японском этноязыковом коллективе пишет следующее:

«Не поощряются в японской культуре и вопросы к другим людям о том, чего они хотят. Вам скорее приходится угадывать потребности других и ста-

раться удовлетворить их, не заставляя других говорить что бы то ни было (принцип omoiyari Clancy 1986, Lebra 1976, Travis 1992):

я не могу сказать другим людям что-то вроде:

я хочу знать, что ты хочешь
хорошо знать, что другие люди хотят (и думают, и чувствуют)
когда они ничего не говорят» [12, с. 397].

Именно высокая степень ритуальности общения членов японского языкового коллектива является фактором, позволяющим его членам с большой вероятностью угадывать желания друг друга. И только полное растворение личности в ритуале может привести к такому взаимопониманию между людьми, когда слова становятся лишними. Склонность к ритуальности делает речевое поведение члена японского языкового коллектива в некоторых случаях ситуационно предсказуемым. Например, у русских некто, желающий выразить расположение по отношению к симпатичной малышке, найдет немало подобающих фраз, для японцев же почти всеобщей будет фраза 可愛い *Каваий!* – «Хорошенькая!». То же можно сказать и о репликах типа 行ってきます *Иттэ кимас – букв.* «Пойду и вернусь» и ただいま *Тадаима – букв.* «Только что (вернулся)» во время выхода члена японского языкового коллектива за пределы жилища и возвращения в него.

Стереотипность речевого поведения членов японского языкового коллектива проявляется и в общении с иностранцами. При первой встрече нередко используются следующие реплики: 1) 日本語がお上手ですね *Нихонго га одзё:дзу дэс нэ* – «Как хорошо вы говорите по-японски!»; 2) お国はどちらですか *О-куни ва дотира дэс ка?* – «Вы из какой страны?»; 3) 日本料理はいかがですか *Нихон-рё:ри ва икага дэсу ка* – «Как вам нравится японская кухня?». Конечно, и в русском языковом коллективе в ситуации общения с представителем иной страны вероятность появления реплик типа «Вы из какой страны?» или «Вы откуда?», будет весьма высока (не исключено, что далее последует и нечто вроде «Ну и как ваши впечатления?» или «Ну и как вам у нас?»), но все же ситуативно-дискурсивный сценарий «общение с представителем иной страны (культуры)», по-видимому, задан менее строго. В японском же языковом коллективе для описанных сцен речевой коммуникации ситуативно-дискурсивные сценарии, по-видимому, прописаны более жестко, что и является причиной большей стереотипности речи в указанных ситуациях. В связи с вышесказанным можно отметить и высокую вероятность появления темы «погода» в фатической речи японского языкового коллектива. Ритуальность речи в японском языковом коллективе проявляется и в большей развитости и языковой проработанности всевозможных средств речевого этикета (см. ниже), и в высокой частотности ритуальных высказываний типа よろしくお願いします *Ёросику онэгаи симас* – «Надеюсь на вашу помощь и поддержку»; 頑張りましょう *Гам-*

баримасё: – «Приложим все усилия»; 頑張ってください *Гамбаттэ кудасай* – «Приложите все (возможные) усилия»; ご協力のほどよろしくお願いいたします *Гокё:рёку но ходо ёросику онэгаи итасимасу* – «Надеюсь на ваше (полное) содействие» и т. п. Эти и подобные реплики, часто повторяющиеся в самых разных ситуациях официально-делового и фамильярно-обиходного общения, фигурируют в качестве манифестаций и стимуляторов надлежащего социального поведения участников коммуникации.

То же постоянство, ту же строгую упорядоченность, те же строгие правила композиции в японском языковом коллективе можно заметить и в письме, и в поздравительной открытке, и в объявлении, и в устном публичном выступлении. В русском же языке во всех упомянутых речевых жанрах требования к формальной стороне организации текста менее жестки, чем в японском, а имеющие место отклонения от сложившихся форм речи или требований стиля нередко связаны со стремлением к оригинальности и творческому самоутверждению говорящего или пишущего.

Большее варьирование форм коммуникативного взаимодействия людей в русском этноязыковом коллективе, вероятно, связано с бóльшим этническим разнообразием населения страны, многообразием природно-климатических и географических условий, обилием и интенсивностью межнациональных и межэтнических контактов. А бóльшая степень стереотипности речевой коммуникации в японском этноязыковом коллективе обусловлена большей стандартизованностью и упорядоченностью неречевого поведения японцев, их большей приверженностью традиции, большей законопослушностью и склонностью к следованию нормам и правилам, что может быть связано и с замкнутостью и самодостаточностью мира средневековой Японии, и с влиянием конфуцианства, с его этическими установками, предписывающими индивиду надлежащее социальное поведение (в том числе и речевое). Это может быть связано и с социально-политическим устройством японского общества эпохи позднего средневековья (эпохи Токугава; 1603-1867), одним из важнейших императивов которого было следование конфуцианской культурной традиции. Некоторые из свойств «благородного мужа», формулируемые Конфуцием, явно просматриваются в традиционных японских ценностях: «Благородный муж всегда исходит из чувства справедливости, которое выражается в том, что *в делах он следует правилам поведения, в речах скромен*, при завершении дел правдив… Благородный муж думает о девяти (вещах) – о том, чтобы видеть ясно; о том, чтобы думать четко; о том, *чтобы его лицо было приветливым*; о том, *чтобы его поступки были почтительны*; о том, *чтобы его речь была искренней*…» [13, с.754] (выделено мною – А.Д.); «по Конфуцию, каждый человек всегда *должен знать свои обязанности и права и неуклонно выполнять положенное*: «Государь должен быть государем, сановник – сановником, отец – отцом, сын – сыном»…» [13, с.754] (выделено мною – А.Д.).

Сравнивая культурные традиции Китая и Японии, известный китаевед В.В. Малявин пишет: «В Китае искусство было продолжением жизни или, точнее, интуитивно постигаемой подлинности жизни. В Японии, наоборот, сама жизнь рассматривалась как продолжение искусства, как эстетическое «окно в жизнь». Соответственно, культурный стиль в Японии сводился к установленному набору предметных свойств, *отступление от которого каралось как уголовное преступление*. Когда, например, мастер чайной церемонии Фурута Орибэ (умер в 1615 г.) попытался превратить стиль церемонии из подчеркнуто натуралистического в маньеристски-стилизованный (за счет специальной обработки декоративных камней, высаживания засохших деревьев и т. п.), его новации были запрещены в официальном порядке, ибо они разрушали основу японского миропонимания…» [2, с. 25-26] (выделено мною – А.Д.).

Склонность к стилистическим и риторическим шаблонам и канонам проявляется в речевой практике японского языкового коллектива, например, в том, что новогоднее поздравление может ограничиваться лишь стандартным текстом открытки, к которому отправитель приписывает только адрес, что широкое распространение имеют компьютерные программы типа 『筆グルメ』 *Фудэ гурумэ* – «Гурман кисти» фирмы «Фудзицу» с заготовками стандартных выражений, «сезонных приветствий» (季節の挨拶 *кисэцу но айсацу*) и поздравлений на все случаи жизни, что регулярно переиздаются пособия по написанию частных и деловых писем, словари публичных речей [25], содержащие образцы спичей, предназначенных для произнесения во всевозможных ситуациях общения – на свадьбах, днях рождения, презентациях, а также во время собраний, съездов, праздников или траурных церемоний и т. д. В русистике также существуют учебники по риторике и рекомендации по композиции речевых произведений различных жанров, но все же более важными, чем следование канонам, обычно считаются новизна и творческий характер, индивидуальность и оригинальность речи.

Различия в манере коммуникации ярко проявляются во время деловых контактов русских и японцев специалистов[1]. Представители российской стороны обычно демонстрируют меньше организованности и с трудом соблюдают все формальности протокола, но более активно реагируют на происходящее: пытаются острить, обыгрывать в речи детали сложившейся ситуации или чье-то высказывание; для японской же стороны характерно более пристальное внимание к подобающим формам поведения: строгое следование «сценарию» мероприятия, придание большого значения отношениям социальной иерархии, осторожность и осмотрительность высказываний, общая позитивная их направленность, стремление к созданию атмосферы согласия, мира и взаимопонимания. Блистание остроумием занимает далеко не первостепенное место в стратегии их коммуникативного поведения.

[1] Невольным наблюдателем таких встреч мне довелось быть во время эпизодической работы переводчиком в 1970-х – 2010-х гг.

Противоположный подход можно обнаружить в обозначении лиц, где обилие местоимений первого и второго лица, призванных различать нюансы социальных отношений, строгая детерминированность использования обозначений коммуникатора и реципиента（自称詞・対称詞 *дзисё:си – тайсё:си* «обозначения субъекта речи – обозначения получателя речи» в терминах Судзуки Такао [24, с. 146-158], с одной стороны, противостоит эмоционально-поэтическому способу обозначения лиц в обращениях и ругательствах – с другой, например: 1) Доченька моя, слезиночка мая, цветочек мой, счастье моё, солнце моё, радость моя, душа моя; или 2) Медведь, бурбон, монстр! Индюк надутый! Дурак испанский! Трубка медицинская! Чёрт плешивый! Дерево раздолбанное! [6].

Японские любители спорта, вероятно, удивятся, если узнают, что совершившего во время игры серьезную ошибку игрока трибуны могут «ободрить» криками: «Мазила!», «Валенок!», «Чайник!», «Чучело криволапое!», «Черт ты косолапый!», а русские футбольные фанаты тому, что в данной ситуации, значительная часть японских болельщиков, сопереживая неудачнику, сочувственно воскликнет: ドンマイ (от англ. *Don't mind*) – «Ничего-ничего!», 残念でした *Дзаннэн дэсита* – «Как жаль!» или 惜しい Осий – «Жаль!». Анкетирование, проводившееся в 2004 г. на младших курсах Дальневост. гос. ун-та, зафиксировало самые разнообразные реакции от безобидных «Как же так!», «Ну, что же ты делаешь?» до эвфемизмов типа «Ёпарный бабай», «Звездец» и нецензурных выражений. Обращает на себя внимание высокая агрессивность и жесткость речевых реакций. Лица, выражавшие сочувствие и поддержку совершившему ошибку игроку, оказались в меньшинстве. Анкетирование, проводившееся в 2004 г. на младших курсах Осакского гос. ун-та (в японском этноязыковом коллективе футбол был заменен на бейсбол), показало большое количество реплик, выражающих сочувствие и стремление к позитивному стимулированию поведения игрока: おーい、ドンマーイ «Эй, ничего-ничего», 気にすんな 最後まで頑張れ «Не расстраивайся, борись до конца», あきらめるな、頑張って «Не отчаивайся, держись!», しっかりしろ «Возьми себя в руки!», マジで «Серьезнее!» и т. д. Только в 6 анкетах из 82 присутствовали реплики, которые можно отнести к бранной речи, причем (в отличие от русского языкового коллектива) с весьма ограниченным набором ругательств: ああ、もうアホ «Ой, ну и идиот!», ああもうばかっ «Боже мой, какой дурак!» ばか、仕事をしろ、仕事を «Дурак! Работай, работай!», アホかお前なにしてんねん «Ты что ненормальный, что ты творишь?», なにやっとんねん、このボケー «Что ты делаешь, тупица!», バカヤロー «Что за дурак!».

Бóльшая склонность японского языкового коллектива к речевому ритуалу проявляется, например, в большей развитости, языковой проработан-

ности и ситуативной дробности в японском языке следующих форм рутинного речевого общения:

1) формулы извинения: すみません *Сумимасэн* – «Извините»; 失敬 *Сиккэй* – «Прошу прощения! Виноват!»; 失礼 *Сицурэй* – «Простите»; 失礼しました *Сицурэй симасита* «Простите мою невежливость»;どうも失礼しました *До:мо сицурэй симасита*» – «Искренне прошу извинить меня за то, что я нарушил этикет»; 御免 *Гомэн* «Простите»; 御免ください *Гомэн кудасай* – «Прошу вас проявить ко мне благосклонность»;ご迷惑をかけました *Гомэйваку о какэмасита* – «Извините за то, что причинил вам беспокойство»; お粗末でした *О-сомацу дэсита* – «Извините за мою неумелость»; 悪かったです *Варукатта дэс* – «Извините за то, что я был неправ»; ご心配をかけました *Го-симпай о какэмасита* – «Извините за то, что я причинил вам беспокойство»; お待ち遠様でした *О-матидо:сама дэсита* – «Извините за то, что вам пришлось долго ждать»; お待たせいたしました *О-матасэ итасимасита* – «Извините за то, что я заставил вас ждать» и т. д.;

2) формулы благодарности: ありがとう/ありがとうございます/ありがとうございました *Аригато:/Аригато: годзаймасу/Аригато: годзаймасита* – «Спасибо»; お礼を申し上げます *О-рэй о мо:сиагэмасу* – «Выражаю вам свою благодарность»;ご苦労様でした *Го-куро:сама дэсита* – «Спасибо за ваш тяжкий труд»; ご馳走さまでした *Го-тисо:сама дэсита* – «Спасибо за угощение»; お疲れ様でした *о-цукарэсама дэсита – букв.*: «Спасибо за то, что вы изволили устать»; お世話様でした *О-сэвасама дэсита* – «Спасибо за вашу драгоценную заботу»; 毎度ありがとうございました *Майдо аригато: годзаймасита* – «Спасибо за то, что вы каждый раз пользуетесь нашими услугами» и т. д.;

3) формы «сезонных приветствий» в современном эпистолярном стиле: 暑中お見舞いを申し上げます *Сётю: о-мимаи о мо:сиагэмасу* – «Обращаюсь к вам с (этим) посланием, чтобы осведомиться о вашем самочувствии в разгар летней жары»; 陽射しが強くなって参りましたがご健勝のことと存じております *Хидзаси га цуёку наримасита. Го-кэнсё: но кото то дзондзимас* – «Интенсивность солнечного излучения усилилась, но я знаю, что вы здоровы»; 拝啓 盛夏のころ ますます清栄のこととお慶び申し上げます *Хайкэй сэйки но коро масумасу сэйэй но кото то о-ёрокоби мо:сиагэмасу* – «Многоуважаемый господин! Выражаю свою искреннюю радость по поводу того, что в разгар лета вы неизменно здоровы»; 謹啓　時折ますます御隆昌の趣、およろこび申し上げます *Кинкэй токиори масумасу горю:сё: но омомуки, оёрокоби мо:сиагэмас* – «Милостивый государь! Искренне рад вашей исключительной бодрости, которую вы демонстрируете в последнее время» и т. п.[1];

4) финальные формы публичных речей, часто труднопереводимых на русский язык ввиду неразвитости или отсутствия соответствующих речевых

[1] Примеры заимствованы из вышеупомянутой программы компании *Фудзицу* «Гурман кисти».

формул в русском языке: よろしくお願いいたします *Ёросику о-нэгаи итасимасу* «Надеюсь на вашу благосклонность»[1]; 頑張ってください *Гамбаттэ кудасай* – «Надеюсь, что вы приложите все возможные усилия»; ご支援のほどお願い申し上げます *Госиэн но ходо о-нэгаи итасимасу* – «Надеюсь на вашу всестороннюю поддержку»; 今後とも、よろしくご協力のほど、 お願い申し上げます *Конго то мо ёросику го-кё:рёку но ходо о-нэгаи итасимасу* – «И впредь надеюсь на ваше сотрудничество и всестороннюю поддержку»; 私のご挨拶とさせていただきます *Ватаси но гоайсацу то сасэтэ итадакимас – букв.*: «Позвольте (сказанное и) сделать моим приветствием»; 私のご挨拶に代えさせていただきます *Ватаси но го-айсацу ни каэсасэтэ итадакимас – букв.*: «Позвольте (сказанное и) обратить в моё приветствие»; 私の祝辞とさせていただきます *Ватаси но сюкудзи то сасэтэ итадакимас – букв.*: «Позвольте (сказанное и) сделать моими словами поздравления» и т. п. [25];

5) формы и средства выражения вежливости, которые теснейшим образом связаны с ритуальностью (надлежащими формами) речи.

Таким образом, использование стереотипных (ритуальных) или импровизационных (игровых) форм коммуникации в двух этноязыковых коллективах основывается на разных языковых традициях и занимает неодинаковое место в коммуникации.

4. Некоторые особенности коммуникативных игр в русском и японском дискурсах

Формы и виды языковой импровизации многообразны. Разные виды коммуникативных (языковых и речевых) игр, обозначаются при помощи слов острота, шутка, каламбур, розыгрыш, перифраз, и т. д. Другие виды языковых и речевых игр получили название литературных или поэтических приемов, например, намек и подтекст, рифма и аллитерация, метафора и аллегория. Почти все литературные приемы в русской языковой среде не являются исключительно литературными, большая часть из них – непосредственный элемент ежедневной практики языкового общения. В японской языковой среде ситуация несколько иная: в устной коммуникации значительное место занимает надлежащее (ритуальное) речевое поведение, а развитие игровых форм общения в большей степени связано со специальными видами словесного творчества (проза, поэзия, драматургия) и особыми жанрами речи (сценическая речь, *ракуго, мандзай*, реклама, компьютерные игры, телевизионные розыгрыши культовых знаменитостей). И для японского языкового коллектива безусловную ценность представляют удачная шутка, игра слов или каламбур (洒落 *сярэ*), но они далеко не во всех ситуациях общения представляются членам японского языкового коллектива подобающими и уместными.

[1] Ради экономии места даем один (наиболее нейтральный) вариант перевода, хотя многие из приведённых здесь выражений неоднозначны.

Отклонение от рутинных форм коммуникации в русском языковом коллективе нередко имеет место даже при использовании этикетных выражений.

Например:

1) А вы что своих мужиков утопили, что ли? Здравствуйте! (Мужчина приветствует компанию из четырех пышнотелых женщин среднего возраста, отдыхающих на пустынном пляже);
2) Здорово, экскаваторы! (Прохожий здоровается с рабочими, вручную копающими глубокую траншею).

Для японского языкового коллектива такая манера установления контакта и обозначения собеседника явно не характерна.

Диапазон коммуникативных игр, имеющих место в практике общения членов русского языкового коллектива, по-видимому, несколько шире, чем в повседневной речевой практике японского языкового коллектива. И это несовпадение иногда становится даже источником культурного шока. Именно такой случай, произошедший с японской студенткой во время ее языковой стажировки в России, описывается в статье О. Разумовской:

«Знакомая рассказывала, как во время поездки в Россию, оказавшись в гостях, у нее возникло вполне естественное желание. О чем она и сообщила прямо главе семьи в виде вопроса (на хорошем русском языке): «Можно мне пойти в туалет?»

И потом долго недоумевала, почему ответ был отрицательным…» [14, с. 252].

«Глава семьи», спровоцированный неожиданным для русского языкового коллектива на публике вопросом, в стремлении быть оригинальным вместо само собой разумеющегося ответа затеял с гостьей обычную для носителя русской культуры коммуникативную игру, поддержать которую (судя по публикации) она оказалась не в состоянии, приняв ее за форму отказа.

Сходные формы коммуникативной игры мне нередко приходилось наблюдать в Японии при общении русскоязычных людей с представителями японской официально-деловой сферы или сервиса. Первые не осознают неуместности игры в официальной ситуации общения с незнакомыми собеседниками (в их культуре такого коммуникативного ограничения нет); вторые испытывают чувство растерянности, оказываясь в нестандартной и непривычной ситуации (им трудно поддержать шутку из-за установки на обезличенное максимально формализованное общение, в котором набор речевых реакций заранее определен и ограничен, а любые фамильярности рассматриваются как нарушение трудовой этики и считаются дурным тоном).

Примеры:

1) Представитель авиакомпании. お荷物の中には、壊れやすいものがありませんでしょうか *О-нимоцу но нака ни ва коварэясуй моно га аримасэн*

дэсё: ка – «В вашем багаже нет хрупких предметов?» Русский пассажир. やってみないと分らないよ *Яттэ минай то вакаранай ё* – «Понятия не имею, нужно попробовать (разбить), тогда и узнаем!»;

2) ボケを防ぐシャンプーがありませんか *Бокэ о фусэгу сямпу: га аримасэн ка* – «У вас нет шампуня от маразма?» (Вопрос русского студента, покупающего в японском магазине шампунь от перхоти с претензией на языковую игру; перхоть – フケ *фукэ*, маразм – 呆け *бокэ*);
3) お宅には、75 歳以上の方がおられませんでしょうか *О-таку ни ва нанадзю:го-сай идзё: но ката га орарэмасэн дэсё: ка* – «Не проживают ли в вашей квартире лица старше 75 лет?» (вопрос представителей администрации муниципального жилого комплекса при обходе квартир накануне Дня почитания старости); 居たら殺すつもり？ *Итара коросу цумори?* – «А если есть, вы что, убивать их будете?» (ответная реакция русского жильца, немало озадачившая выполнявших служебные обязанности чиновников).

Сфера официального общения в японском этноязыковом коллективе сильно ограничивает возможность игры, шутки или импровизации. Для нее характерны серьезность, ответственность, высокая степень педантизма. Например, во время государственных экзаменов (大学入試センター試験 *дайгаку ню:си сэнта: сикэн* – экзамены Центра поступления в вузы), проводимых одновременно по всей стране для абитуриентов, в точно установленное время произносятся санкционированные чиновниками Министерства образования, культуры, спорта, науки и технологий команды, по секундомеру отмеряется время на их выполнение. Во время экзаменов неуместными считаются не только шутки, но и произвольные редакции предлагаемых инструкцией команд и информационных сообщений. Во все экзаменационные комиссии заранее рассылаются инструкции, в которых по времени указываются все реплики, которые должны произнести организаторы экзамена.

И в магазине, и в ресторане, и в лифте, и в аэропорту при общении с клиентом наблюдается тенденция употребления заученных стереотипных выражений, эксплицируемых с предельно возможной аккуратностью и вежливостью. Импровизация и игра представляются неуместной вольностью в ответственный момент, когда некто выполняет свои служебные обязанности. Внимание к социальной иерархии и ритуальность общения расцениваются работниками сферы обслуживания как важнейшая профессиональная обязанность. Формы речевого общения с клиентом тщательно отобраны и многократно отрепетированы, проявления творчества, так же как, например, раздражения по отношению к клиенту строго пресекаются. Поэтому представители сервиса обычно оказываются не готовыми поддержать коммуникативную игру, в которую их пытаются вовлечь носители иной культуры, и нередко при нарушении стандартных моделей взаимодействия коммуникатора и реципиента приходят в состояние замешательства.

В русском же языковом коллективе фамильярное обращение с клиентом, допускающее шутку или коммуникативную игру, – дело вполне обычное, например:

1) А. Скажите, а селедка крупная? Б. Да вот как я (т. е. средняя) (диалог покупателя и продавщицы в магазине) [15, с. 358];
2) Эй, бабуля, быстрее открывай свой сейф! (реплика продавца по отношению к пожилой покупательнице, открывающей сумочку, чтобы достать деньги) [1].

Распространенной в русском языковом коллективе формой коммуникативной игры является вымысел. Вымысел возникает вовсе не обязательно потому, что некто не может обойтись без вранья, а потому, что создание легенды помогает сделать прозу жизни романтичной и наполнить её волнующим драматизмом. Иногда вымысел даже становится средством самозащиты личности от посягательств толпы. Такая ситуация красноречиво описана в песне М. Львовского «Вагончики» из кинофильма Э. Рязанова «Ирония судьбы, или С легким паром», рисующей образ молодой девушки, рассказывающей попутчикам «историю своей жизни»: «Начнет расспрашивать купе курящее / Про мое прошлое и настоящее / *Навру с три короба, пусть удивляются* / С кем распрощалась я, вас не касается...» (выделено мною – А.Д.).

Для русского языкового коллектива такие «охотничьи рассказы» дело вполне обычное, для среднего же японского индивидуума, как правило, характерна гораздо более высокая степень правдивости.

Различное место вымысла и игры в коммуникации двух народов проявляется при наблюдениях за русскими и японскими студентами. Во время занятий по иностранному языку японские студенты неохотно говорят на личные темы, нередко затрудняются ответить на вопрос, если он не соответствует реальностям их жизни [8]. Вероятно, это связано и с тем, что им трудно переключиться с реальности на вымысел. Русские же студенты справляются с данной проблемой без труда. Как правило, им не нужно объяснять, что на языковых занятиях правду говорить не обязательно: они легко переходят от реальности к вымыслу, легко принимают игровую импровизацию. Возможно, эта легкость перехода к игре в русском студенческом коллективе обусловлена тем, что игра подготовлена кодом русской культуры. (Не потому ли славится русский театр? Не в этом ли коренятся успехи русского художественного и литературного авангарда?) Например, по мнению эксперта, в истоке русского абстракционизма лежит подсознательное образно-интуитивное восприятие мира и игра

[1] Свидетелем еще более легкомысленного обращения с клиентом нам довелось быть на борту американского авиалайнера, когда бортпроводник, уронив булочку на пол, сказал японскому пассажиру: «It’s yours» (Это ваша), – повергнув его в состояние полного замешательства. Японский пассажир оказался не в состоянии принять игру, а американский бортпроводник – понять неуместности своей шутки.

с пространством, формой, светом, характерная для «насмешника» (по словам А.М. Эфроса) Ларионова и других ранних абстракционистов [17, с. 182] (выделено мною – А.Д.). В японском же классическом театре – напротив – в глаза бросаются формы ритуальные – устойчивая предметная символика, повторяющиеся сюжеты, традиционные герои и образы, стереотипные движения и позы актеров).

Отдельную проблему (которую мы не имеем возможности рассмотреть подробно в этой публикации) составляет вопрос о функциях коммуникативных (языковых и речевых) игр. Очевидно, что коммуникативная игра – это акт активного самовыражения субъекта речи, проявление его индивидуальности и стремления воздействовать на собеседника. В коммуникативной игре, несомненно, содержится определенная иллокутивная сила (illocutionary force [18]), способная оказать воздействие на получателей речи. Например, коммуникативную игру, разряжающую напряженную ситуацию, можно обнаружить в одной из финальных сцен кинофильма «Москва слезам не верит» В. Меньшова, когда Николай (Борис Сморчков), отправляясь на розыски пропавшего Гоши (Алексей Баталов), вдруг преображает себя в Джеймса Бонда, которому предстоит серьезная и ответственная работа, связанная с опасностью.

Александра.– Он в каком-то институте научном.
Николай. – Ну, а какие-нибудь особые приметы имеются? Ну, там, шрам на лице…
Александра. – Да, вроде, нет.
Катерина. – Есть. У него после аппендицита шрам.
Николай. – Ну, это не пригодится. Ждите меня здесь. *В квартиру всех впускать, никого не выпускать. В случае сопротивления открывайте огонь!* (выделено мною – А.Д.)

Имеющее глубокие корни в европейской культуре шутовство, зафиксированное в русском языке в формулах типа «Ваньку валять» или «прикидываться дураком», «скоморошничать», не имеет аналога в жизни японского языкового коллектива. Коммуникативная игра в виде розыгрыша (からかい *каракаи*) или шалости (ふざけ *фудзакэ*) в японском этноязыковом коллективе, как правило, имеют место в неофициальном общении только среди близко знакомых людей.

В русском языковом коллективе одной из распространенных форм речевой игры является стёб, когда сознательно нарушается стилевая сочетаемость языковых единиц и игнорируются правила стилистической гармонии текста, нарочито используются оксюмороны и абсурдизм. Элементы такой манеры коммуникации иногда имеют место даже в официальной сфере. Ср. популярные высказывания В.С. Черномырдина: «Хотели как лучше, а получилось, как всегда»; «Отродясь такого не бывало, и опять то же самое»; «Лучше водки хуже нет»; «Много говорить не буду, а то опять чего-нибудь скажу…». За многие

годы наблюдений над японском общественно-политическим дискурсом ничего подобного встречать не доводилось. За исключпнием юмористических жанров вроде *ракуго* или *мандзай* такая манера коммуникации, по-видимому, имеет весьма ограниченное использование. При анализе японского политического дискурса в глаза бросаются малая степень метафоричности и образности и высокая степень ритуальности речи [9]. Развивавшийся в русле отрицания форм бюрократической риторики эпохи развитого социализма российский политический дискурс в последнее десятилетие 20 века допускал гораздо больше вольностей (ср. стилистику речей В. В. Жириновского, В. С. Черномырдина или В. И. Новодворской). Игра на политическом поле в России в указанное время привела к появлению таких экзотических явлений, как «Партия любителей пива» или «Диванная партия ЛГ», которые трудно вообразить в ответственном и серьезном японском политическом дискурсе. Игра в русском языковом коллективе иногда может иметь место даже в научном дискурсе (ср., например, «маски» в публикациях М. Бахтина или игровой стиль некоторых работ Г. Гачева [3, 4]), что, по нашему мнению, совсем не характерно для мира японской науки.

В русском устном общении даже высоко образованных людей нередки стилистически значимые нарочитые *стаканЫ*, *пОртфель*, *дОцент*, *прОцент*, *дермаНтин*, *прецеНдент*, *коЛидор* и т.д. В японском же языковом коллективе коверканье слов распространено, вероятно, только в детской речи. С другой стороны, для японской бытовой речи более, чем для русской, характерны случаи дейктической референции типа **あれを持ってこいよ** *Арэ о моттэ кой ё* – «То самое принеси!»; **お礼のもの** *О-рэй но моно* – «Та самая вещь!», повышающие ритуальность и понижающие выразительность речи.

Сходные формы языковой игры можно заметить в сфере публицистической. В русской публицистической речи нередко используются сильные выражения, возникшие в результате игры со словами, – «фигуры речи» типа «эпоха застолья», «прихватизация», «дерьмократы», «интеграсты» (о сторонниках более тесной интеграции между Россией и Белоруссией) и т. д. И в японской публицистике также можно встретить подобные неологизмы, построенные на игре слов: **飲みニケーション** *номиникэ:сён* – «общение во время застолья» (**飲む** *ному* «пить»; **コミュニケーション** *комюникэ:сён* «коммуникация»); **缶コロジ** *канкородзи* – «защита окружающей среды от металлических ёмкостей для напитков» (**缶** *кан* – «банка»; **エコロジー** *экородзи:* – «экология»); **マスゴミ** *масугоми* – «бездарная и не находящая потребителей продукция средств массовой информации» (**マスコミ** *масукоми* – «массовая коммуникация»; **ゴミ** *гоми* – «мусор») и т. д. Однако невозможно не заметить, что японский публицистический дискурс обычно менее экстравагантен, менее агрессивен и более сдержан, чем русский [9, 7, с. 130-131]. Неологизмы, возникающие в нем в результате языковой игры, более тесно связаны с публицистическим стилем, чем в русском языке, в силу большей стилистической устойчивости и ограниченности межстилевого движения лексики японского языка.

В японском языковом коллективе, вероятно, шире, чем в русском, распространена игра с омонимами и иностранными заимствованиями. В письменной форме речи можно обнаружить большое разнообразие видов языковой игры с иероглифами и другими визуальными знаками, что особенно характерно для текстов коммерческой рекламы [5]. Игра обычно строится на полисемии и полифункциональности языковых единиц, их ассоциативных и иных связях. Например, в телевизионной рекламе одного из круглосуточных мини-супермаркетов обыгрывается многозначность фразы おいくつ？ *О-икуцу?* «Сколько? / Сколько лет?».

Престарелый покупатель. 肉まんください *Никуман кудасай* – «(Мне) пирожков с мясом».

Продавщица. おいくつですか *О-икуцу дэс ка.* – «(Вам) сколько (штук)?»

Престарелый покупатель. いくつに見えますか *Икуцу ни миэмас ка* – «А на сколько (лет я) выгляжу?

На алюминиевой банке с чайным напитком фирмы «Кирин» 午後の紅茶 *гого но ко:тя* – «Послеобеденный черный чай» читаем:「純水」午後ティー *«дзюнсуй» гого ти:* – «Послеобеденный чай «чистой воды»», где благодаря омонимичности японского языка и кавычек, указывающих на переносное употребления термина, создается ассоциация с более частотным словом японского языка 純粋 *дзюнсуй* – «настоящий, подлинный, истинный, лишенный примесей». Для подобной языковой игры японский язык имеет широчайшие возможности, и они с успехом используются во многих жанрах письменной речи.

В русском этноязыковом коллективе коммуникативная игра нередко возникает между представителями противоположных полов в виде взаимных замечаний и комплиментов, любезностей и услуг, колкостей и намеков, многие из которых в японском этноязыковом коллективе в последнее время скорее всего расценивались бы как сексуальное домогательство (セクハラ *сэкухара* – от англ. sexual harassment). В японском этноязыковом коллективе подобная фривольность отношений, по-видимому, сталкивается с большим количеством социально-культурных запретов и ограничений. Чаще она ограничена общением мужчин с лицами определенной профессии (ホステス *хостэсу* – «хостес», ママさん *мама-сан* – «хозяйка бара») в соответствующей обстановке подобающего заведения.

Итак, использование коммуникативной игры в устном общении японского языкового коллектива, по-видимому, имеет больше ограничений по сравнению с русским языковым коллективом, и это несовпадение особенно явно проявляется в сфере официального общения. Прочие стили и жанры речи менее специфичны. Японский язык обладает богатейшими возможностями для языковой игры, и они широко используются в непринужденном фамильярном общении, а также в стилях и жанрах речи, не связанных с конкретным собеседником.

5. Заключение

В последние десятилетия речевая культура и японского, и русского этноязыковых коллективов претерпевает быстрые и существенные изменения. По нашим наблюдениям, в 21-ом веке речевая коммуникация японцев стала более экспрессивной, усилилось жестовое сопровождение речи, больше людей стало ориентироваться на традиции и стандарты европейской риторики [7, 11, с. 18-22]. Все более возрастает и индивидуальность поведения, в том числе речевого. В теле- и радиовещании корпорации NHK заметно выросла доля живого общения людей в прямом эфире. В вечернее время субботы и воскресенья на радио и ТВ появилось множество развлекательных программ в прямом эфире для молодёжи, создаваемых молодыми сотрудниками и коллаборантами корпорации.

Но, вместе с тем, в повседневном общении японского языкового коллектива продолжают сохраняться и характерные для японской традиции ритуальные (стереотипные) формы коммуникации, приглушающие и подавляющие индивидуальное языковое творчество. Игровые и смеховые элементы японской культуры требуют более глубокого исследования и осмысления, но уже сейчас представляется возможным высказать предположение о том, что вышеназванные элементы в японской речевой культуре имеют несколько более жесткие рамки применения, чем, например, в русском языковом коллективе. Это связано с бóльшим распространением в японской речевой культуре ритуальных форм. В русской и японской культурах существует различное представление об уместности в коммуникации импровизации и игры – провокации, шутки, розыгрыша, стёба и т. д. В японской культуре вышеназванным явлениям обычно отводится более строго определенное и ограниченное место.

В японском языковом коллективе требования к стилю и форме речи, по-видимому, строже, чем в русском, и речевое поведение индивидуума в нём детерминируется в большей степени. Дискурсивные сценарии для некоторых ситуаций прописаны более жестко. Игровые формы коммуникации в японском этноязыковом коллективе свободнее используются в фамильярном общении, а также в стилях, не ориентированных на конкретного собеседника (поэтическом, литературно-художественном, публицистическом), а также в таких юмористических жанрах, как *кё:гэн, ракуго, мандзай*, и, кроме того, в языке коммерческой рекламы [5].

Склонность японского языкового коллектива к ритуальности в речи, по всей вероятности, связана с приверженностью японского общества к традициям национальной культуры, а также с общественными представлениями о важности отношений социальной иерархии. Ритуальность речи способствует консервации ряда архаичных языковых форм (ср., 拝啓 *хайкэй*, 謹啓 *кинкэй* и т. п. обозначения лиц в эпистолярном стиле), а также тому, что лексика японского языка имеет более строгую стилевую и жанровую специализацию.

В русском языковом коллективе рамки стилей и жанров имеют менее строгий характер, более свободно межстилевое движение лексики, гораздо меньшее значение имеет оппозиция «свой – чужой», и речевая игра нередко возникает не только в фамильярном общении близких людей, но и в общении с незнакомыми людьми, а иногда даже и в официальном общении.

В этой статье мы кратко рассмотрели проблему соотношения стереотипности (ритуала) и импровизации (игры) в японском и в русском этноязыковых коллективах. Наши наблюдения показывают, что стимулы и ограничения на распространение стереотипных (рутинных) или импровизационных (игровых) форм коммуникации, преимущественно обусловлены культурными факторами, которые, по нашему мнению, заслуживают дальнейшего более детального изучения.

В заключение еще раз необходимо подчеркнуть, что различия между русской и японской языковыми традициями по линии импровизация (игра) versus стереотипность (ритуал) носят относительный, а не абсолютный характер, присутствуют лишь в виде общей тенденции, далеко не покрывая всего разнообразия индивидуальных особенностей коммуникативного поведения людей в каждом из коллективов и не отменяя универсальных общечеловеческих черт языковой коммуникации, присутствующих в обоих коллективах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вежбицкая, А. Понимание культур через посредство ключевых слов. Москва: Языки славянской культуры, 2001. – 416 с.
2. Восточные арабески. Книга прозрений / Составитель В. В. Малявин. Москва: Наталис, 1997. – 352 с.
3. Гачев, Г. Д. Национальные образы мира: Америка. Москва: Раритет, 1997. – 288 с.
4. Гачев, Г. Д. Русский эрос. Москва: Интерпринт, 1994. – 336 с.
5. Дыбовский, А. С. Заметки о языке рекламы в Японии // Известия Восточного института. Выпуск № 3. Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 1996. С. 192–207.
6. Дыбовский, А.С. Невежливость как негативное воздействие на собеседника (на материале русского языка) // Studies in Language and Culture. Vol. 23. Osaka University Press, 1997. P. 75-94.
7. Дыбовский, А.С. О дискурсивных особенностях использования западных заимствований в современно японском языке (новая редакция) / Педагогика: история, перспективы. Том 5. No 4. 2022. С. 119-135. DOI: 10.17748/2686–9969–2022–5-4-119-135
8. Дыбовский, А.С. О некоторых особенностях японской студенческой аудитории // Изучение русского языка и русской культуры в странах АТР. Владивосток, 1999. С. 133–145.

9. Дыбовский, А.С. О парламентской речи в Японии // Известия Восточного института Дальневосточного государственного университета, 1997. С. 69-76.
10. Дыбовский, А.С. Ритуал и игра: о некоторых особенностях речевой коммуникации в японском и русском этноязыковых коллективах: постановка проблемы // Известия Вост. ин-та Дальневост. гос. ун-та. Вып. 13. Владивосток, 2006. С. 103-120.
11. Дыбовский, А.С. Японский язык как арена столкновения цивилизаций // Дальневосточный филологический журнал. 2023. Т. 1. No 4. С. 17–30.
12. Концептуальные основы психологии культуры // Язык, культура и познание. Москва: Русские словари, 1997. – 512 с.
13. Народы и религии мира: Энциклопедия. Москва: Большая российская энциклопедия, 1998. – 928 с.
14. Разумовская, О. Заметки с полей... рабочей тетради // Slavonic Studies. The Journal of the Russian Department, Graduate School of Letters, Hokkaido University, № 4–2, 3. Sapporo: Hokkaido University, 2000. P. 45–67.
15. Русский язык конца XX столетия (1985–1995). Москва, 1996. – 327 с.
16. Санников, В. З. Русская языковая шутка. Москва: Аграф, 2003. – 352 с.
17. Тарасенко, О. А. Национальные истоки подсознательного в живописи Кандинского // Многогранный мир Кандинского. Москва: Наука, 1999. С. 172–182.
18. Austin, J. L. How to Do Things with Words. Edited by J. O. Urmson and Marina Sbisà, Clarendon Press, 1962. – 167 p.
19. Hymes, Dell. The Ethnography of Speaking// Readings in the Sociology of Language. Ed. by J.A.Fishman. The Hague: Mouton., 1968. P. 99–138.
20. Orwell, George. Nineteen Eighty-Four. Secker & Warburg, 1949. – 328 p.
21. 池上嘉彦 (Ikegami, Yoshihiko) 日本語と日本人の思考 東京：大修館書店 = Японский язык и мышление японцев. Токио: Тайсюкан Сётэн, 1991. – 254 p.
22. 河合隼雄 (Kawai, Hayao)日本人とアイデンティティー心理治療家の眼 大阪：創元社 = Японцы и идентичность: взгляд психолога-терапевта. Осака: Со:гэнся, 1984. – 237 p.
23. 鈴木孝夫 (Suzuki, Takao)言語文化学ノート 東京：大修館書店 = Язык и культура. Токио: Дайсюкан Сётэн, 1998. – 232 p.
24. 鈴木孝夫 (Suzuki, Takao 言語と文化 東京：岩波書店 = Язык и культура. Токио: Иванами Сётэн, 1973. – 312 p.
25. 短いスピーチ実例辞典 東京：成美堂出版編 = Справочник с примерами кратких речей. Токио: Сэйбидо Сюппан (изд.), 1993. – 606 p.

REFERENCES

1. Wierzbicka, A. Understanding Cultures through Key Words. Moscow: Languages of Slavic Culture, 2001. 416 p. (In Rus.).

2. Eastern Arabesques: Book of Insights. Compiled by V. V. Malyavin. Moscow: Natalis, 1997. 352 p. (In Rus.).
3. Gachev, G. D. National Images of the World: America. Moscow: Raritet, 1997. 288 p. (In Rus.).
4. Gachev, G. D. Russian Eros. Moscow: Interprint, 1994. 336 p. (In Rus.).
5. Dybovsky, A.S. Notes on the Language of Advertising in Japan. Izvestiya of the Eastern Institute, Issue No. 3. Vladivostok: Far Eastern University Press, 1996. pp. 192–207. (In Rus.).
6. Dybovsky, A.S. Impoliteness as Negative Impact on the Interlocutor (Based on the Russian Language). Studies in Language and Culture, Vol. 23. Osaka University Press, 1997. pp. 75–94. (In Rus.).
7. Dybovsky, A.S. On Discursive Features of Western Loanword Usage in Modern Japanese (New Edition). Pedagogy: History, Perspectives, Vol. 5, No. 4, 2022. pp. 119–135. DOI: 10.17748/2686–9969–2022–5-4-119-135.
8. Dybovsky, A.S. On Some Characteristics of Japanese Student Audiences. Study of the Russian Language and Russian Culture in Asia-Pacific Countries. Vladivostok, 1999. pp. 133–145. (In Rus.).
9. Dybovsky, A.S. On parliamentary speech in Japan. Proceedings of the Eastern Institute of Far Eastern State University, 1997. pp. 69-76. (In Rus.).
10. Dybovskiy, A.S. Ritual and play: on some features of speech communication in Japanese and Russian ethno-linguistic communities: problem statement. Proceedings of the Eastern Institute of Far Eastern State University. Issue 13. Vladivostok, 2006. pp.103-120. (In Rus.).
11. Dybovsky, A.S. Japanese Language as an Arena of Civilizational Clashes. Far Eastern Philological Journal, Vol. 1, No. 4, 2023. pp. 17–30. (In Rus.).
12. Conceptual Foundations of the Psychology of Culture. Language, Culture, and Cognition. Moscow: Russian Dictionaries, 1997. 512 p. (In Rus.).
13. Peoples and Religions of the World: Encyclopedia. Moscow: Great Russian Encyclopedia, 1998. 928 p. (In Rus.).
14. Razumovskaya, O. Notes from the Margins... of a Workbook. Slavonic Studies. The Journal of the Russian Department, Graduate School of Letters, Hokkaido University, No. 4–2, 3. Sapporo: Hokkaido University, 2000. pp. 45–67. (In Rus.).
15. Russian Language at the End of the 20th Century (1985–1995). Moscow, 1996. 327 p. (In Rus.).
16. Sannikov, V.Z. Russian Linguistic Joke. Moscow: Agraf, 2003. 352 p. (In Rus.).
17. Tarasenko, O.A. National Origins of the Subconscious in Kandinsky's Painting. The Multifaceted World of Kandinsky. Moscow: Nauka, 1999. pp. 172–182. (In Rus.).
18. Austin, J. L. How to Do Things with Words. Edited by J. O. Urmson and Marina Sbisà, Clarendon Press, 1962. 167 p.
19. Hymes, Dell. The Ethnography of Speaking. Readings in the Sociology of Language. Ed. by J.A.Fishman. The Hague: Mouton., 1968. pp. 99–138.

20. Orwell, George. Nineteen Eighty-Four. Secker & Warburg, 1949. 328 p.
21. Ikegami, Yoshihiko. Invitation to Semiotics. Iwanami Shoten, 1984. 235 p. (In Jpn.).
22. Kawai, Hayao. The Japanese and Identity: A Psychotherapist's Perspective. Sogensha, 1984. 237 p. (In Jpn.).
23. Suzuki, Takao. Notes on Language and Culture Studies. Tokyo: Taishukan Shoten, 1998. 232 p. (In Jpn.).
24. Suzuki, Takao. Language and Culture. Tokyo: Iwanami Shoten, 1973. 312 p. (In Jpn.).
25. Handbook of Short Speech Examples. Tokyo: Seibido Shuppan, 1993. 606 p. (In Jpn.).

Информация об авторе: Александр Сергеевич Дыбовский – кандидат филологических наук, почётный профессор Осакского ун-та, доцент кафедры японоведения, Дальневосточный федеральный университет.
https://orcid.org/0000-0001-6236-0886
E-mail: *dybovskii.as@dvfu.ru*

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи

Information about the author: Alexander S. Dybovsky – Candidate of Philological Sciences, Professor Emeritus of Osaka University, Associate Professor of Far Eastern Federal University.
https://orcid.org/0000-0001-6236-0886
E-mail: dybovskii.as@dvfu.ru
The author has read and approved the final manuscript

Статья поступила в редакцию / The article was submitted: 08.11.2024
Одобрена после рецензирования и доработки / Approved after reviewing and revision: 18.12.2024
Принята к публикации / Accepted for publication: 27.12.2024

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов/ The author declares no conflicts of interests